DOI: 10.53737/2713-2021.2024.97.43.017

А.А. Красноперов

КОНТЕКСТ СБРУЙНОГО НАБОРА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 14 ОШКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ВЯТКЕ*

Рассмотрен контекст погребения 14 Ошкинского могильника на р. Вятке. Памятник относится к азелинской культуре (позднесарматское время в Прикамье). Само погребение выделяется из местных древностей. В могиле найден комплект из пряжки и наконечника-подвески, относящихся к серии «Опошня», выделенной В.Ю. Малашевым и А.М. Обломским, имеющей центрально-европейские прототипы. Уздечный набор соответствует структуре узды «всадниических комплексов» позднесарматского времени, описанной С.И. Безугловым. В тексте статьи предложен вариант относительной периодизации комплексов, и основания для разделения локальных вариантов. Наиболее близкий аналог удилам с «очковидными» псалиями с выступами внутрь рамки из Ошки, погребение 14 в Валовый I, курган 25 / погребение 1 на Дону. Нащечные бляхи ромбической формы соответствуют очень редкому типу: 6 находок на Дону, 1 в Поволжье и 1 в Посурье. Вся группа погребений датируется второй половиной II — первой половиной III вв., или, уже, концом II — первой третью III вв., они отражают непосредственное взаимодействие сарматских и германских воинских групп (предметы вооружения и воинская экипировка), в событиях, связанных с Империей (римская бронзовая и стеклянная посуда, монеты). Происхождение этой группы, и находок провинциально-римского происхождения (поясная гарнитура) в лесной зоне Восточной Европы, отмеченной И.О. Гавритухиным и А.М. Воронцовым, связывается с событиями Маркоманских войн. Речь идет не о миграции-переселении, а об участии лиц или групп из отдаленных регионов в войнах на границах или территории Империи, вернувшихся с элементами воинской экипировки по окончании событий (срока службы ?) на родину.

Ключевые слова: хронология, позднесарматское время, узда, Прикамье, Подонье, Маркоманские войны.

Сведения об авторе: Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН).

Контактная информация: 426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН), e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

A.A. Krasnoperov

HORSE HARNESS FROM BURIAL 14 OF THE OSHKINSKY BURIAL GROUND ON VYATKA AND THEIR CONTEXT

The context of burial 14 of the Oshkini burial ground on the Vyatka River is considered.The monument belongs to the Azelino culture (late Sarmatian time in the Kama region). The burial itself stands out from local antiquities. A set of buckle and pendant tip belonging to the “Oposhnya” series, identified by V.Yu. Malashev and A.M. Oblomsky, which has Central European prototypes. The bridle set corresponds to the structure of the bridle of the “equestrian complexes” of the late Sarmatian period, described by S.I. Bezuglov. The text of the article proposes a variant of the relative periodization of complexes, and the basis for dividing local variants. The closest analogue to the bit with “spectacle-shaped” cheekpieces with protrusions inside the frame from Oshki, grave 14 in Valovyj I, barrow 25 / grave 1 on the Don. Rhombic

* Выражаю благодарность Д.Г. Бугрову (Казань), Л.И. Липиной (Ижевск), В.А. Бернц (Ижевск) и И.В. Толочко (Ростов-на-Дону) за предоставленные прорисовки, обсуждение и помощь с литературой.

Статья поступила в номер 15 мая 2024 г.
Принята к печати 29 мая 2024 г.

© А.А. Красноперов, 2024.

cheek plaques correspond to a very rare type: 6 finds on the Don, 1 in the Volga region and 1 in the Sura River region. The entire group of burials dates back to the 2nd half II — 1st half III centuries, or already late II — 1 third of the III centuries, they reflect the direct interaction of Sarmatian and Germanic military groups (weapons and military equipment), in events related to the Empire (Roman bronze and glassware, coins). The origin of this group, and finds of provincial-Roman origin (waist set) in the forest zone of Eastern Europe, noted by I.O. Gavritukhin and A.M. Vorontsov, is associated with the events of the Marcomannic Wars. We are not talking about migration-resettlement, but about the participation of individuals or groups from remote regions in wars on the borders or territory of the Empire, who returned with elements of military equipment at the end of the events (service period ?) to their homeland.

Key words: chronology, late Sarmatian time, bridle, Kama region, Don region, Marcomannic wars.

About the author: Krasnoperov Alexandr Anatolievich, PhD (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS.

Contact information: 426004, Russia, Izhevsk, 4 Lomonosov St., Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

Введение

Ошкинский могильник расположен на правом берегу р. Буй, правого притока р. Вятки, правого притока р. Камы, левого притока р. Волги, между дд. Вершинята и Ошки Уржумского р-на Кировской области, и является одним из самых ранних[1] памятников азелинской культуры. Первые находки из сборов поступили в Уржумский краеведческий музей (постоянная экспозиция). Раскапывался в 1986—1987 гг. под руководством Н.А. Лещинской, изучено 32 погребения. Автором раскопок общая хронология определена концом I — III вв. н.э., рассматриваемое ниже погребение 14[2] отнесено к третьей хронологической группе и датировано III — началом IV в. н.э. (Лещинская 2000: 11; 2014: 167—168).

Погребение представляет собой ингумацию: мужчина 50—60 лет (определение канд. биол. наук Г.В. Рыкушиной). Вещи расположены как на теле погребенного (1), так и тремя скоплениями: справа (2), слева (3) у головы и в ногах (4) (рис. 1).

(1) В области грудной клетки — железная пряжка, 3 спиралевидные подвески (рассыпались), бронзовая подвеска-лошадка, лучковая фибула. На левом бедре — пронизка-костылек. Между бедренными костями — бронзовые пронизки, железная пряжка. На коленях — крупные бронзовые бляхи, вокруг которых мелкие бляшки.

(2) Справа от головы — железный нож в бронзовых ножнах, 2 железных наконечника стрел, железные пряжка и наконечник-подвеска.

(3) В ногах — костяная подпружная пряжка, костяная лопаточка и накладка, 2 железных наконечника копья, топор, пряжка.

(4) Слева от головы — железный нож и группа предметов конской упряжи: удила, нащечники, бронзовые пряжки, наконечники-подвески, накладки, 7 бронзовых пронизок.

Погребение представляет интерес по сочетанию вещей различного культурного облика: «азелинских» (подвеска-конек), предположительно «кара-абызских» (костяные лопаточка[3] и подпружная пряжка, фрагмент бронзовых ножен[4]) и «сарматских» облика (фибула, уздечный

---

[1] О хронологии см.: (Лыганов, Бугров 2019: 201).

[2] Первые наблюдения об этом комплексе были озвучены на конференции «Лесная и лесостепная полоса восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в с. Монастырщина Тульской обл. в 2012 г. Доклад полностью переработан.

[3] Лопаточки более характерны для кара-абызских могильников: Охлебинино, погребение 28 (Пшеничнюк 1968: рис. 17: 2), 313, 430 (Пшеничнюк 1993: рис. 13: 5); Шипово, погребения 34, 51, 59, 62, 96 (Пшеничнюк 1976: рис. 23: 1, 2, 30: 3, 31: 6, 33: 6), 69/XIII (Овсянников и др. 2007: рис. 41: 7).

[4] Ножны такого оформления и профиля встречены в Охлебининском могильнике кара-абызской культуры: погребения 28 и 82 (Пшеничнюк 1968: рис. 14: 1, 3), 142 (Пшеничнюк 1993: рис. 8: 15), 430 (Пшеничнюк 1987: рис. 2: 1), 491 (Пшеничнюк 1993: рис. 14: 20).

набор). Уздечный набор специально не анализировался (Лещинская 2014: 168). Поскольку памятник опубликован дважды (Лещинская 2000; 2014), дальнейшее изложение касается только атрибуции находок.

Материалы

Фрагмент лучковой одночленной фибулы (Амброз-15) относится к 4 варианту[5] (рис. 1: 7). А.С. Скрипкин относил их бытование ко второй половине II — началу III в. (Скрипкин 1977: 103), на Кавказе встречаются совместно с сильнопрофилированными фибулами и в первой половине III в. (Абрамова 1996: 101; Малашев 2009: 209), В.В. Кропотов датирует вариант 4 — четвертой четвертью II — первой половиной III вв., «периодом господства позднесарматской культуры» (Кропотов 2010: 72, 75, 77—78). Именно этот вариант маркирует начало мазунинской и азелинской культур, и датирует процесс их становления как самостоятельных первой половиной III в. (Красноперов 2021).

Набор из железных пряжки и наконечника-подвески объединяет «западные» и сарматские элементы. Пряжка (рис. 1: 21), с плоской квадратной рамкой и длинным широким прямоугольным щитком, язычок обломан. Не исключено, что рамка имела фасетировку. Отличие от сарматских пряжек Малашев-П3а (Малашев 2000: рис. 2) заключается в соотношении щитка и рамки, у сарматских щиток уже рамки. Прямоугольные пряжки служили застежками воинских ремней центральноевропейского Барбарикума. Р. Мадыда-Легутко выделила экземпляры в группу G, большая часть находок относится к периоду B2, но встречаются и несколько позже, вплоть до начала C1 (Madyda-Legutko 1986: 46, 47), что в общих рамках соответствует третьей четверти I — началу III вв. По признаку «отсутствие фасетировки» наконечник-подвеска (рис. 1: 20) должен соответствовать группе Малашев-Н1, но в отношении сильно корродированных экземпляров однозначно утверждать, что фасетировки не было, нельзя. Также отличаются пропорции (ошкинский экземпляр существенно шире эталонных образцов типологии В.Ю. Малашева), и, не исключено, что имеется расширение в нижней части подвески или слабая вогнутость боковых сторон. Комплексы с наконечниками Малашев-Н1 отнесены ко II — первой четверти III вв. н.э. (Малашев 2000: рис. 2). Но учитывая морфологические особенности возможно другое соответствие — в группе выделенной В.Ю. Малашевым и А.М. Обломским наконечников типа «Опошня», для которых характерны большая ширина и вогнутость боковых сторон подвески. Последний признак характерен как для двух-, так и для одночастных наконечников на территории Венгрии (сарматские комплексы) и Польши. Датируются не позднее середины III в. (Малашев, Обломский 2002: 115, 117, 119). Пара предметов сочетает элементы центральноевропейского и сарматского происхождения (Красноперов 2015: 217), но в таком сочетании встречается от Днепровского Левобережья (Малашев, Обломский 2002), до южного Урала (Малашев, Яблонский 2008: рис. 206: 3—5, 207; Красноперов 2015: 217, рис. 9, 10: В), с очагом существенной концентрации в Крыму, и, в меньшей степени, восточном Причерноморье (Васильев 2005; Масякин 2018).

Четыре бронзовые пряжки (рис. 1: 34—37) относятся к группе Малашев-П1, — II — первая четверть III вв. (Малашев 2000: рис. 2).

Четыре бронзовых наконечника-подвески (рис. 1: 38—41) относятся к группе Малашев-Н2, с фасетированным краем подвески, — вторая четверть — середина III в. (Малашев 2000: рис. 2).

Наконечники в форме буквы U (рис. 1: 68, 69), с закругленным окончанием с заклепкой и прямоугольной прорезью[6]. Судя по положению на полевых фотографиях, могли выполнять функцию штанг. Близкие, но не идентичные формы известны в Крыму: Усть-Альма, могила 793 (Труфанов 2005—2009: рис. 60: 25), в комплексе с двучленной лучковой фибулой, пряжкой,

[5] Подробнейший обзор см.: (Гавритухин 2022). О находках в Прикамье: (Красноперов 2024).
[6] Не исключено, что их нужно сравнивать со штангами удил.

близкой Малашев-П2б с птицевидным язычком, пряжками Малашев-П1, круглой портупейной пряжкой с двускатной поверхностью, — вторая треть III вв. (Труфанов 2010: 161, рис. 13).

Семь бронзовых бус-пронизок с двухскатной боковой поверхностью (рис. 1: 59—65). В сарматских комплексах распространены серебряные, железные экземпляры, иногда инкрустированные другим металлом, обычно 4 или 7 шт., но встречаются и иные наборы.

Удила с двухпетельчатыми «очковидными» псалиями и разновеликими зажимами (рис. 1: 70). Кольца фасетированы, внутри колец треугольный выступ. Пряжки (зажимы) поводных ремней разные: узкий и широкий; штанги не сохранились, или их не было. Наблюдения над типологией, хронологией и происхождением, обобщены в отдельной работе (Красноперов 2023). Среди «очковидных» псалий рамки без дополнительных элементов представлены с инвентарем среднесарматского времени, рамки с внутренним выступом и/или фасетировкой — с инвентарем позднесарматского времени (Красноперов 2023: прим. 7). Наибольшее сходство (возможно даже на уровне подражания) имеют с удилами из Валовый I, курган 25 / погребение 1 (Аланский всадник 2005: кат. 42; Беспалый, Беспалая, Раев 2007: табл. 74: 2; Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 30: 1,2).

Удила с «похожими» (отдаленно) псалиями найдены в разрушенном погребении Таутовского могильника (рис. 2) в Чувашии (Мясников, Ефимов 2009; Мясников 2012). Псалии бронзовые, кольца небольшого диаметра с маленьким выступом. В петлях сохранились по паре бронзовых штанг. В набор входили также пряжка Малашев—П1, пряжка-зажим («щиток» образован раскованными концами «рамки», соединенными внахлест) с рамкой с выступом внутрь, аналогичным рамкам псалий, сбруйные зажимы, в т.ч. с двухскатной поверхностью (конструктивно схожие с наконечниками ML-5 (Madyda-Legutko 2011: tabl. XVI, XXI)), наконечники-подвески Малашев-Н1, -Н2, -Н5, сбруйные бусы, прямоугольная пластина с фасетированными краями, с двумя прорезями со вставленными зажимами, наконечники копий, фрагмент палаша с «рогатым» навершием. Существенно, что с памятника происходит поясной набор из пряжки и наконечника (Мясников 2015), имеющий соответствия в сарматских комплексах дунайских провинций.

Еще один набор, типологически аналогичный таутовскому, происходит из Нейзац, могила 355 (рис. 3), но псалии железные, плакированные золотой и серебряной фольгой, и штанга не раздельная (в форме «камертона»)[7]. В комплекс входят многочисленные пряжки, наконечники-подвески Малашев-Н1, «четырехрогая» подвеска, амфора типа Шелов—С/Внуков-CIVC, нож-серп (Храпунов 2015: рис. 1—4). Традиция не сплошной плакировки удил золотом и серебром характерна для среднесарматского времени (Октябрьский V, курган 1 / погребение 1, Нижняя Добринка, курган 2). По амфоре могила датируется второй четвертью — концом II в.

Бляхи-нащечники ромбической формы (рис. 1: 66, 67). Впервые описаны С.И. Безугловым. Всего в сарматской среде известно 7 находок:

1) Центральный VI, курган 16 / погребение 8 (Безуглов 1988) (рис. 4: 44, 45);

2) Высочино VII, курган 12 / погребение 1 (Безуглов 1997) (рис. 5: 22, 23);

3) Хапры (Безуглов 1989) (рис. 6: Б-5);

4) Кобяковский, погребение 73/2000 (Ларенок 2012: рис. 1—5[8]; Ларенок 2013: табл. 50—52) (рис. 7: 44, 45);

5) Московский II, курган 2 / погребение 1 (не опубликован, мне известен по отчету Л.С. Ильюкова 1986 г.);

6) Старица, курган 60 / погребение 1 (Кривошеев 2005: рис. 2: Б) (рис. 6: А-1);

7) Большевик II, курган 3 / погребение 1 (Безуглов, Нидзельницкая 2020) (рис. 8: 38, 39).

И один комплекс в Посурье — Усть-Уза, погребение 42 (Гришаков и др. 2016: рис. 26: 1, 2) (рис. 9).

[7] О форме — ср. с: (Красноперов 2015: рис. 17).

[8] См.: (Безуглов 2010: 113—прим.6).

Обсуждение

Хронология комплекса

Контекст формирования[9] набора Ошки, погребение 14 очевиден — «всаднический горизонт» позднесарматского времени по С.И. Безуглову, — вторая половина II — первая половина III вв., или, уже, конец II — первая треть III вв.

Группа была выделена С.И. Безугловым в 1988—1989, 1997 гг. (Безуглов 1988; 1989; 1997), но подробно освещена относительно недавно (Безуглов 2017; 2019). Долгое время полный список признаков восстанавливался с трудом. Составляющие элементы однообразны по формам и стилистике, совместно встречаются в комплексах, образуя замкнутый круг аналогий, но сами наборы не повторяют друг друга полностью. Диагностирующими элементами являются:

1) длинный меч с навершием и бусиной-фиксатором из камня или раковины (рис. 4: 10,11, 5: 7,8, 7: 28); круглые портупейные пряжки с двухскатной поверхностью;

2) нож со сплошной, круглой в сечении, костяной или бронзовой рукоятью с навершием-шляпкой (рис. 5: 24);

3) очень длинный четырехгранный оселок (рис. 4: 15, 5: 25, 8: 11);

4) плеть-нагайка с 8-видной обоймой и утяжелителями (рис. 4: 1,9,57, 5: 18, 8: 1—3, 10, 11, 25, 26);

5) уздечный набор:

а) удила с бронзовыми кольцами и парой разновеликих зажимов (рис. 1: 70, 5: 19, 20); с колесовидными, секировидными, и др. псалиями (рис. 2: 16, 4: 27, 28, 6: А-8, 6: Б-1, 2, 7: 42, 43);

б) 4—7 пронизки-бусины (рис. 1: 59—65, 2: 18,19, 4: 2—8, 5: 9—11,16, 8: 27—33);

в) пряжки без язычков (рис. 1: 15, 16, 19, 2: 4, 4: 53—56, 7: 20, 8: 19), пряжки с зажимом-обоймой, соединенной внахлест (рис. 5: 5, 6);

г) пряжки и наконечники-подвески, одночастные наконечники; наконечники-зажимы с кольцом (рис. 1: 34—41, 2: 1, 5—9, 12, 13, 17, 4: 29—37, 46, 47, 5: 1, 2, 12, 13, 15, 6: А-2, 3, 5—7, 6: Б-3, 7: 16—19, 34—41, 8: 20—22, 36, 37, 47—50, 52); пряжки с квадратными (прямоугольными) рамками центрально-европейского происхождения (рис. 1: 21, 4: 50, 6: А-4, 7: 21, 8: 34, 35);

д) бляшки с вертикальным выступом (рис. 4: 48, 49, 5: 3,4, 8: 41—42), или подвески с обоймой для крепления (рис. 7: 22, 23), пропеллеровидные бляшки (рис. 5: 14); «тамгообразные» детали (рис. 4: 45);

е) ромбические, круглые прорезные, круглые и каплевидные бляхи (фалары, нащечники) (рис. 1: 66, 67, 4: 44, 45, 63—65, 5: 22, 23, 6: А-1, 6: Б-5, 7: 44, 45, 8: 15—18, 38, 39, 45, 46); бляхи в форме рыб;

ж) ошейники и нагрудные ремни с бляхами прямоугольной формы с прорезями (рис. 2: 2); прямоугольные и прямоугольно-округлые («языковидные») подвески от двухчастных наконечников;

6) круглые кольца (распределители—?) (рис. 4: 58, 7: 33);

7) лучковые фибулы 4-5 варианта (рис. 1: 7, 4: 43, 8: 51);

8) бронзовая посуда римской работы типов Эггерс—100, —140, —144, —160[10] (рис. 5: 21, 8: 44); стеклянные сосуды (рис. 8: 43);

9) деревянные сосуды с металлическими деталями (рис. 8: 14, 60);

10) металлические флакончики;

11) костяные концевые и срединные накладки сложного лука (рис. 4: 14).

Масштаб явления огромен: крайние территориальные точки горизонта: Хевиздёрк, курган 28 и Визешдпушта, курган 4 на Венгерской равнине[11] — Лебедевка VI, курганы 1, 3,

[9] Учитывая антропологическое определение, время совершения захоронения несколько позже.

[10] См. сводки и обсуждения: (Трейстер 2020; Симоненко 2023).

[11] Возможно, Рошава Драгана в Болгарии.

37, Каратобе I, курган 4, Кызыл-Кайнар-тобе в Казахстане[12]; Дербентский II, погребение 4, Куркли, погребение 14 в Дагестане[13] — Мокинский, погребение 105 в Пермском крае.

Контекст погребения

Хронологически «всаднические комплексы» неоднородны. Полный набор складывался постепенно и существовал долго. Если оперировать перечнем элементов (меч с фурнитурой, сбруя), фактически это не горизонт, а горизонт*ы*. Для ранней группы характерны детали, плакированные гладкой золотой фольгой (Горгиппия, склеп 2, Городской, погребение 22, Керчь 1897, Неаполь Скифский, погребение А, Опушки, могила 1, Тауйхабль, 1978), с ними встречаются, кроме длинных, короткие мечи в ножнах с парными выступами, мелкие железные трехлопастные наконечники стрел, сильнопрофилированные фибулы (рис. 10: I—А). Для второй группы характерны детали, плакированные золотой фольгой с точечным расчеканом (рис. 10: I—Б). Для третьей плакировка не характерна, получает распространение фасетирование краев изделий и лучковые фибулы 4—5 вариантов (рис. 10: I—В). В поздней группе появляются полихромные элементы (Нейзац, склеп 306) и фибулы с завитком (рис. 10: I—Г). Но в классической концепции С.И. Безуглова к «всадническому горизонту» относятся только 2 и 3 из перечисленных.

Можно отметить и территориальные отличия. Характерной деталью южноуральских комплексов являются ошейники из прямоугольных блях со скошенным краем и прорезями[14], которые сопровождаются наконечниками Малашев-Н5 (Мошкова 2001) (рис. 10: II—А). Западнее (от Поволжья и далее) пластины с прорезями тоже встречаются, но имеют другую форму («языковидную»), расположение прорезей другое (две по длине, и одна поперек), или не имеют скошенного края. Они являются подвеской наконечников-подвесок (Нейзац, склеп 17) (рис. 10: II—Б). Практически только для нижнего Подонья характерны ромбические нащечники и секировидные псалии[15] (рис. 10: II—В). Здесь же регулярно встречаются пряжки западных форм. Специфической особенностью прикамских наборов являются бляхи с длинными выступами с заклепками (рис. 10: II—Г). Т.е. возможно выделение в дальнейшем не меньше трех (южноуральская, нижнедонская, прикамская), а, скорее всего, четырех-пяти (крымская — ?, «общая» — ?) локальных групп.

В контексте возможных локальных вариантов Ошкинское погребение выделяется среди прикамских. В нем представлены «западная» пряжка, удила, имеющие параллель только в Валовый I, курган 25 / погребение 1 (Красноперов 2019: табл. 3: 67, 4: 68), и нащечники ромбической формы. Учитывая специфичность форм, 6 нижнедонских, 1 волжский (перечислены выше при описании блях) и 1 вятский комплексы, не просто синхронны, а непосредственно связаны.

Среди наиболее подробно описанных донских и волжских комплексов заметна разница в оформлении псалиев и блях. По этим, декоративным, признакам погребения образуют группы с более тесными связями между собой. Например, можно выделить серии с псалиями с четырехлучевой розеткой (Битак, погребение 120, Кировский I, курган 1 / погребение 2, Кировский III, курган 1 / погребение 2, Старица, курган 26 / погребение 2), с трехлучевой розеткой (Бельбек IV, погребение 223, Городской, погребение 22, Котлубань, курган 2, Лебедевка VI, курган 24, Солодовка I, курган 6 / погребение 1, Танаис, погребение 186, Усть-Альма, склеп 830), с секировидными псалияим (Валовый I, курган 4 / погребение 1, Старица, курган 60, Хапры; Сладковский, курган 19, Усть-Лабинская, курган 31/1902), с нащечниками ромбической формы, и др. В качестве предположения можно допустить, что неиндивидуальные, а групповые различия в оформлении наборов (форма/декор нащечников, блях, псалиев) могут являться маркерами отдельных воинских подразделений.

[12] Возможно, Орлат в Узбекистане; Татарские могилки в Алтайском крае.
[13] Возможно, Львовский Шестой, курган 8 (ранний).
[14] Возможно, Нагорное, курган 9.
[15] Есть и в Крыму: Нейзац, могила 374 (Храпунов 2015: рис. 10: 2).

Заключение

Обстоятельства формирования группы

Погребения «всаднического горизонта» определенно оставлены профессиональными кочевыми воинами. Одновременно, они отражают непосредственное взаимодействие сарматских и германских воинских групп (предметы вооружения и воинская экипировка (Васильев 2005: 286)), в событиях, связанных с Империей (римская бронзовая и стеклянная посуда, монеты). Исходя из хронологии «всаднического горизонта» и монетных находок, это происходило в эпоху Маркоманских войн 166—180 гг. в областях Норика и Паннонии (Безуглов 2017: 108—109; 2019: 50). Выход из оборота может относится как к этому времени, так и несколько позже.

Большая часть участников осталась в Причерноморье — нижнем Подонье[16], и Крыму, другие связаны с более восточными областями, но традиционно «сарматскими» — Поволжье, южный Урал, третьи — с «не сарматской» лесной зоной — Посурье, Прикамье.

В лесной зоне Восточной Европы, в Поочье и Посурье, известны находки (наконечники ремней), появление которых связывается с военизированными коллективами, принимавшими участие в Маркоманских войнах на территории Норика и Паннонии (Гавритухин, Воронцов 2018: 610), но без участия сармат, а непосредственно через «германцев». Фактически, это два вектора, «северный» и «южный» (в ряде случаев можно говорить об их объединении: Подвязье, погребение 54[17] (Грибов 2017), связанные с одними событиями, и сходящиеся в Прикамье. Речь идет не о миграции-переселении, а об участии лиц или групп из отдаленных регионов в войнах на границах или территории Империи, и вернувшихся с элементами воинской экипировки по окончании событий (срока службы — ?) на родину.

Литература

Абрамова М.П. 1996. Фибулы Хумаринского могильника (II—III вв. н.э.). *Историко-археологический альманах* 2, 100—105.

Аланский всадник 2005: Габуев Т.А. (сост.). 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков: Каталог выставки. Москва: ГМИНВ.

Безуглов С.И. 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье. *СА* 4, 103—115.

Безуглов С.И. 1989. Позднесарматские погребение у ст. Хапры (1924 г.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 г.* 8, 25—27.

Безуглов С.И. 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г.* 14, 133—142.

Безуглов С.И. 2010. Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы). В: Скрипкин А.С. (ред.). *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов, г. Волгоград 03.10.2009*. Вып. III. Волгоград: ВолГУ, 93—116.

Безуглов С.И. 2017. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону. *Вестник Танаиса* 4, 84—147.

Безуглов С.И. 2019. Степь и Танаис во II—III вв. н.э. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — V в. н.э.)* V: *Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*, 47—52.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: ИПФ «Медиа-Полис».

Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. 2018. Социальная элита Танаиса во II—III вв. н.э. (культурно-исторический облик). *Археосреда* XIII, 27 декабря 2018. URL: https://vk.com/album-160916322_259134661 (дата обращения 21.04.2024).

[16] Не очень понятна ситуация в Прикубанье.

[17] Этот комплекс непосредственно связан с Прикамьем через очень специфическое навершие ножа/кинжала.

Безуглов С.И., Нидзельницкая Л.Ю. 2020. Позднесарматский курган у станицы Мариинской на Дону. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)* VI, 215—259.

Безуглов С.И., Яценко В.В. 2023. Курган позднесарматского времени у ручья Мокрый Чалтырь. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* IX, 25—91.

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. 2007. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (МИА ЮР 2).

Бытковский О.Ф. 2010. Новые сарматские погребения из восточного Оренбуржья. *НАВ* 11, 272—282.

Васильев А.А. 2005. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре. *БИ* IX, 279—288.

Гавритухин И.О. 2022. Из истории изучения подвязных лучковых фибул. В: Мастыкова А.В., Хайрединова Э.А. (ред.). *Могильник римского времени Фронтовое-3: варвары на границах Империи*. Москва: ИА РАН, 229—238.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. 2018. Узкие ременные наконечники с щелью для крепления, бытовавшие во 2—3 веках на востоке Европы. В: Nieabitowska-Wisniewska B., Luczkiewicz P., Saowski S., Stasiak-Cyan M., Erdrich M. (eds.). *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rcznicç rodzin*. T. 1. Lubin: UMCS, 592—617.

Глухов А.А. 2005. Новые сарматские воинские захоронения II — 1 пол. III в. н.э. из Заволжья. *НАВ* 7, 226—242.

Грибов Н.Н. 2017. О времени появления финских грунтовых погребений на Нижней Оке. *КСИА* 249. Ч. II, 28—43. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-2.28-43.

Гришаков и др. 2016: Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Седышев О.В., Сомкина А.Н. 2016. *Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III—IV вв.)*. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева.

Гугуев В.К., Нечипорук А.А. 2023. Погребение всадника с парадной уздой из некрополя Ростовского городища. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* IX, 1182—145.

Демиденко С.В. 2016. Воинское погребение с парадной конской упряжью позднесарматского времени в бассейне реки Курмоярский Аксай. *КСИА* 244, 195—221.

Ильюков Л.С. 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 100—140 (МИАД 1).

Ильюков Л.С. 2002. Три позднесарматских кургана из Северо-Восточного могильника. В: Ильюков Л.С. (отв. ред.). *Аксайские древности*. Ростов-на-Дону: Областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Министерства культуры Ростовской области, 231—242.

Красноперов А.А. 2011. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье. В: Байтанаев Б.Ә. (ред.). *Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20 жылдығына және ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 20 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары*. Т. 2. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 228—238.

Красноперов А.А. 2015. Дата и связи погребения 727 Тарасовского могильника в Прикамье. *Stratum plus* 4, 207—234.

Красноперов А.А. 2021. Значение лучковых фибул в хронологии памятников среднего Прикамья. *Вестник Брянского государственного университета* 4, 59—66. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66.

Красноперов А.А. 2019. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей. В: Гавритухин И.О., Воронцов А.М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция* 4. Ч. 2. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 103—190.

Красноперов А.А. 2023. Удила сарматских типов в пьяноборской культуре. *МАИАСП* 15, 142—167. DOI: 10.53737/6732.2023.27.87.005.

Красноперов А.А. 2024. Привозные фибулы Прикамья первых веков н.э.: динамика распространения. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал* 2 (50), 230—258. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.14.

Кривошеев М.В. 2005. Комплексы позднесарматского времени могильника Старица. *Археологические записки* 4, 65—72.

Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Ларенок В.А. 2012. Два уникальных погребения из некрополя Кобякова городища. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г.* 26, 291—312.

Ларенок В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* Ч. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом».

Лещинская Н.А. 2000. *Ошкинский могильник — памятник пьяноборской эпохи на Вятке*. Ижевск: ИД «Удмуртский университет».

Лещинская Н.А. 2014. *Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I—V вв. н.э.)*. Ижевск: б/и (МИ КВАЭ 27).

Лыганов А.В., Бугров Д.Г. 2019. Находки раннего железного века. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение. *Археология евразийских степей* 4, 201—232.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 194—217 (МИАД 1).

Малашев В.Ю. 2009. Хронология некоторых разновидностей центральнокавказских фибул римского времени. *НАВ* 10, 225—235.

Малашев В.Ю, Обломский А.М. 2002. Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепровского Левобережья. *РА* 4, 113—124.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10*. Москва: Восточная литература.

Масякин В.В. 2018. Деталь ременной гарнитуры в полихромном стиле из склепа Сорака. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 135—139.

Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А. 2007. Комплекс украшений конской упряжи из аула Тауйхабль. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь: Универсум, 109—114.

Мошкова М.Г. 2001. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан). *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1, 236—249.

Мясников Н.С. 2012. Новые материалы из Таутовского могильника. *Чувашская археология* 1, 204—213.

Мясников Н.С. 2015. Исследования Таутовского могильника в 2011 г. *Чувашская археология* 2, 79—84.

Мясников Н.С., Ефимов Е.Л. 2009. Новые археологические материалы Таутовского грунтового могильника железного века в Чувашии. *Археология евразийских степей* 10. *Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина*, 106—111.

Овсянников и др. 2007: Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.П. 2007. *Шиповский могильник в лесостепном Приуралье*. Уфа: Гилем.

Пшеничнюк А.Х. 1968. Охлебининский могильник. *Археология и этнография Башкирии* 3, 59—104.

Пшеничнюк А.Х. 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.). В: Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Древности Южного Урала*. Уфа: б/и, 35—131.

Пшеничнюк А.Х. 1987. Исследования по раннему железному веку. В: Пшеничнюк А.Х., Иванов В.А. (ред.). *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала*. Уфа: б/и, 67—76.

Пшеничнюк А.Х. 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника. В: Агеев Б.Б. (отв. ред.). *Хронология памятников Южного Урала*. Уфа: б/и, 32—61.

Сазонов и др. 1995: Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского. В: Дитлер П.А. (отв. ред.). *Археология Адыгеи*. Майкоп: Меоты, 113—137.

Симоненко О.В. 2023. Римські бронзові черпаки у варварів Північного Причорномор'я. *Археологія* 4. DOI: 10.15407/arheologia2023.04.053.

Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *СА* 2, 100—120.

Трейстер М.Ю. 2020. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 2, 5—60. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-5-60.

Труфанов А.А. 2005—2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. — III в. н.э. *Stratum plus* 4, 117—328.

Труфанов А.А. 2010. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя. *Stratum plus* 4, 145—194.

Храпунов И.Н. 2015. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац. *ПИФК* 1, 216—240.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. 2004. Склеп с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац. *БИ* VII, 299—326.

Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Oxford: BAR (BAR International Series 360).

Madyda-Legutko R. 2011. *Studia nad zróznicowaniem metalowich części pasów w kulture przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków: Historia Iagellonica.

References

Abramova, M.P. 1996. In *Istoriko-arheologicheskiy al'manah (Historical and Archaeological Almanac)* 2, 100—105 (in Russian).

Alanskiy vsadnik 2005: Gabuev, T.A. (ed.). 2005. *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I—XII vekov: Katalog vystavki (Alan horseman. Treasures of the princes of the 1st — 12th centuries: Exhibition catalog)*. Moscow: SMOA (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1988. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 4, 103—115 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1989. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1988 godu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 198)* 8, 25—27 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 1997. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g. (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 1994)* 14, 133—142 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2010. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arheologicheskim i estestvennonauchnym dannym) (Formation and development of the late Sarmatian culture (according to archaeological and natural science data))*. Iss. III. Volgograd: VSU, 93—116 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Bulletin of Tanais)* 4, 84—147 (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2019. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — V v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* V, 47—52 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009. *Pozdnesarmastkie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyi I) (Late Sarmatian burials at the mouth of the Don (Valovy I burial mound))*. Rostov-on-Don: Media-Polis (in Russian).

Bezuglov, S.I., Il'yashenko, S.M. 2018. In *Arheosreda* XIII, 27 December 2018. Available at: https://vk.com/album-160916322_259134661 (accessed 21.04.2024).

Bezuglov, S.I., Nidzel'nickaya, L.Yu. 2020. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* VI, 215—259 (in Russian).

Bezuglov, S.I., Yatsenko, V.V. 2023. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* IX, 25—91 (in Russian).

Bespalyi, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyj mogil'nik "Valovyj 1" (Ancient population of the Lower Don. Kurgan burial ground "Valovy 1")*. Rostov-on-Don: YuNTS RAN (Materials and research on the archeology of the South of Russia 2) (in Russian).

Bytkovskiy, O.F. 2010. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11, 272—282 (in Russian).

Vasil'ev, A.A. 2005. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan studies)* IX, 279—288 (in Russian).

Gavrituhin, I.O. 2022. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe-3: varvary na granicah Imperii (Roman burial ground Frontovoe-3: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAS, 229—238 (in Russian).

Gavrituhin, I.O., Vorontsov, A.M. 2018. In: Nieabitowska-Wisniewska, B., Luczkiewicz, P., Saowski, S., Stasiak-Cyan, M., Erdrich, M. (eds.). *Profesorowi Adrzejowi Kokowskiemu w 65. rcznicç rodzin*. Vol. 1. Lubin: UMCS, 592—617 (in Russian).

Gluhov, A.A. 2005. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 226—242 (in Russian).

Gribov, N.N. 2017. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief communications of the Institute of Archaeology)* 249. Pt. II, 28—43. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-2.28-43 (in Russian).

Grishakov et al. 2016: Grishakov, V.V., Davydov, S.D., Sedyshev, O.V., Somkina, A.N. 2016. *Mordovskie plemena nakanune Velikogo pereseleniya narodov (Ust'-Uzinskij mogil'nik III—IV vv.) (Mordovian tribes on the eve of the Great Migration (Ust-Uzinsky burial ground of the 3rd — 4th centuries))*. Saransk: EvsevievMordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2023. In *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Crimea in the Sarmatian era (2nd century BCE — 5th century CE))* IX, 118—145 (in Russian).

Demidenko, S.V. 2016. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 244, 195—221 (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra; Gefest, 100—140 (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2002. In: Il'yukov, L.S. (ed.). *Aksayskie drevnosti (Aksai antiquities)*. Rostov-on-Don: Regional Inspectorate for the Protection and Operation of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture of the Rostov Region, 231—242 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2011. In: Baitanaev, B.A. (ed.). *Arheologiya Kazahstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results, prospects)*. Vol. 2. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 228—238 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2015. In *Stratum plus* 4, 207—234 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2021. In. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Bryansk State University)* 4, 59—66. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2019. In: Gavrituhin, I.O., Vorontsov, A.M. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Konferenciya 4. *(Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration. Conference* 4*)*. Pt. 2 Tula: The Museums of Kulikovo Field, 103—190 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2023. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials on the archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region)* 15, 142—167. DOI: 10.53737/6732.2023.27.87.005 (in Russian).

Krasnoperov, A.A. 2024. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University)* 2 (50), 230—258. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.14 (in Russian).

Krivosheev, M.V. 2005: In *Arheologicheskie zapiski (Archaeological notes)* 4, 65—72 (in Russian).

Kropotov, V.V. 2010. *Fibuly sarmatskoj epohi (Fibulae of the Sarmatian era)*. Kyiv: ADEF-Ukraina (in Russian).

Larenok, V.A. 2012. In *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2010)* 26, 291—312 (in Russian).

Larenok, V.A. 2013. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nyh kompleksov nekropolya Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg. (Meotian antiquities. Catalog of burial complexes of the Kobyakov settlement necropolis from excavations in 1999—2000)*. Pt. 1. Rostov-on-Don: Don PH (in Russian).

Leshchinskaya, N.A. 2000. *Oshkinskiy mogil'nik — pamyatnik p'yanoborskoj epohi na Vyatke (Oshki burial ground — a monument to the Pyanobor era on Vyatka)*. Izhevsk: UdSU (in Russian).

Leshchinskaya, N.A. 2014. *Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epohu (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov I—V vv. n.e.) (Vyatka region in the Pyanobor era (based on materials from funerary monuments of the 4th — 8th centuries CE))*. Izhevsk: s.n. (Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition 27) (in Russian).

Lyganov, A.V., Bugrov, D.G. 2019. In *Arheologiya evraziyskih stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 4, 201—232 (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ih sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra; Gefest, 194—217 (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (The Lower Wolga Archaeological Bulletin)* 10, 225—235 (in Russian).

Malashev, V.Yu, Oblomskiy, A.M. 2002. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archeology)* 4, 113—124 (in Russian).

Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: Vostochyaya Literatura (in Russian).

Masyakin, V.V. 2018. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporan Phenomenon. General and Particular in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Proceedings of the International Scientific Conference)*. Pt. 1. Saint Petersburg: IPC SPbSUPTD, 135—139 (in Russian).

Mordvinceva, V.I., Hachaturova, E.A. 2007. In: Zaytsev, Yu.P., Mordvinceva, V.I. (eds.). *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy (Ancient Taurica. Collection in honor of the 80th Anniversary of T.N. Vysotskaya)*. Simferopol: Universum, 109—114 (in Russian).

Moshkova, M.G. 2001. In *Materialy po arheologii Volgo-Donskih stepey (Materials on the archeology of the Volga-Don steppes)* 1, 236—249 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2012. In *Chuvashskaya arheologiya (Chuvash archeology)* 1, 204—213 (in Russian).

Myasnikov, N.S. 2015. In *Chuvashskaya arheologiya (Chuvash archeology)* 2, 79—84 (in Russian).

Myasnikov, N.S., Efimov, E.L. 2009. In *Arheologiya evraziyskih stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 10, 106—111 (in Russian).

Ovsyannikov et al. 2007: Ovsyannikov, V.V., Savel'ev, N.S., Akbulatov, I.M., Vasil'ev, V.P. 2007. *Shipovskiy mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo burial ground in the forest-steppe Urals)*. Ufa: Gilem (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1968. *Arheologiya i etnografiya Bashkirii (Archeology and ethnography of Bashkiria)* 3, 59—104 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1976. In: Kuzeev, R.G. (ed.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: s.n., 35—131 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1987. In: Pshenichnyuk, A.Kh., Ivanov, V.A. (eds.). *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala (Questions of ancient and medieval history of the Southern Urals)*. Ufa: s.n., 67—76 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1993. In: Ageev, B.B. (ed.). *Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala (Chronology of monuments of the Southern Urals)*. Ufa: s.n, 32—61 (in Russian).

Sazonov et al. 1995: Sazonov, A.A., Spasovskiy, Yu.N., Sahtar'ek, Z.N., Tov, A.A. 1995. In:. Ditler, P.A (ed.). *Arheologiya Adygei (Archeology of Adygea)*. Majkop: Meoty, 113—137 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1977. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 2, 100—120 (in Russian).

Simonenko, O.V. 2023. In *Arheologiya (Archaeology)* 4. DOI: https://doi.org/10.15407/arheologia2023.04.053 (in Ukrainian).

Treister, M.Yu. 2020. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)*, 2, 5—60. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-5-60 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2005—2009. In *Stratum plus* 4, 117—328 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2010. In *Stratum plus* 4, 145—194 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1, 216—240 (in Russian).

Madyda- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporan studies)* VII, 299—326 (in Russian).

Legutko, R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Oxford: BAR (BAR International Series 360).

Madyda-Legutko, R. 2011. *Studia nad zróznicowaniem metalowich części pasów w kulture przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków: Historia Iagellonica.

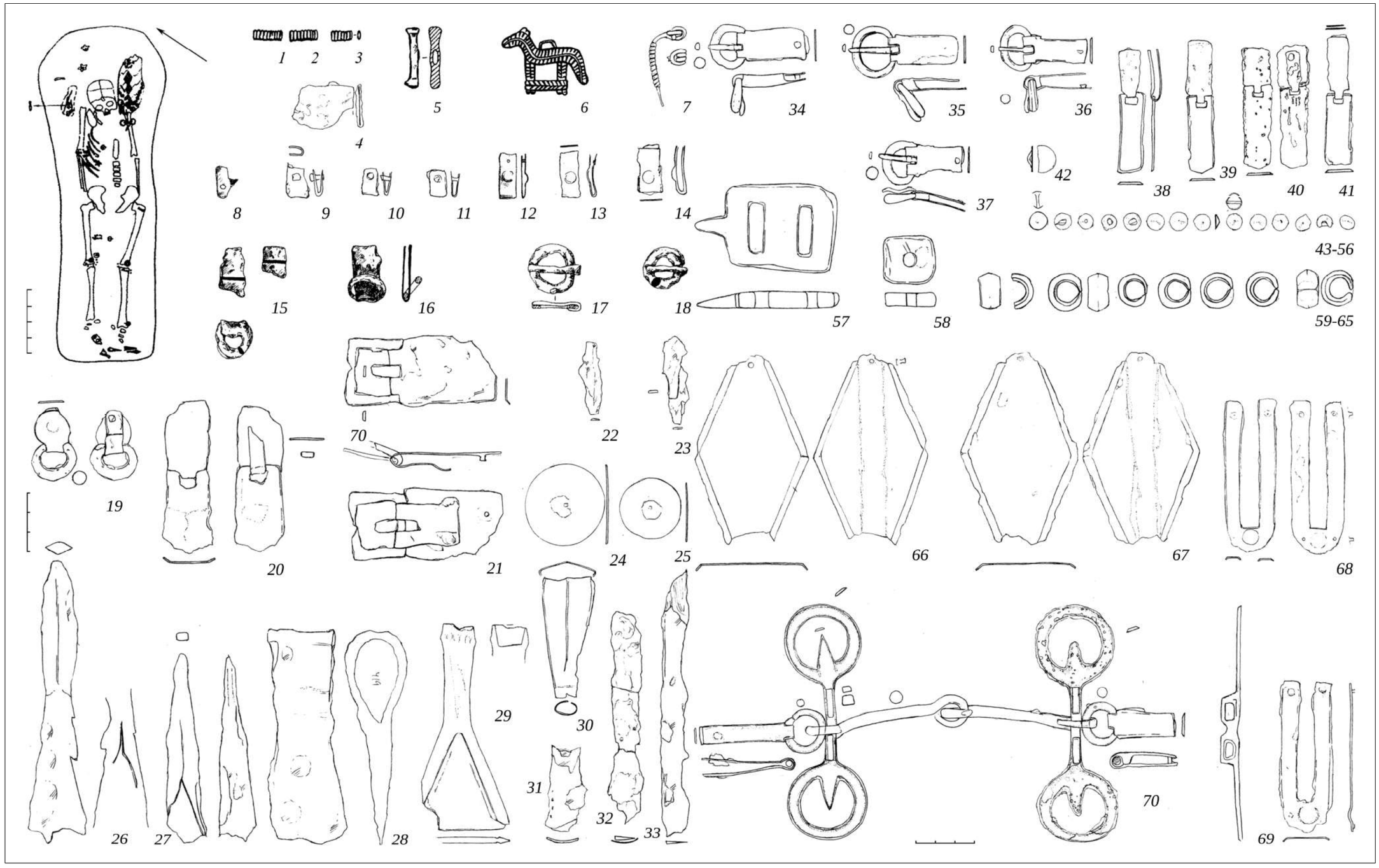

Рис. 1. Ошки, погребение 14 (по Лещинская 2000: рис. 13—15, с изменениями)**.**

Fig. 1. Oshki, grave 14 (after Leshchinskaya 2000: Fig. 13—15, with modifications)**.**

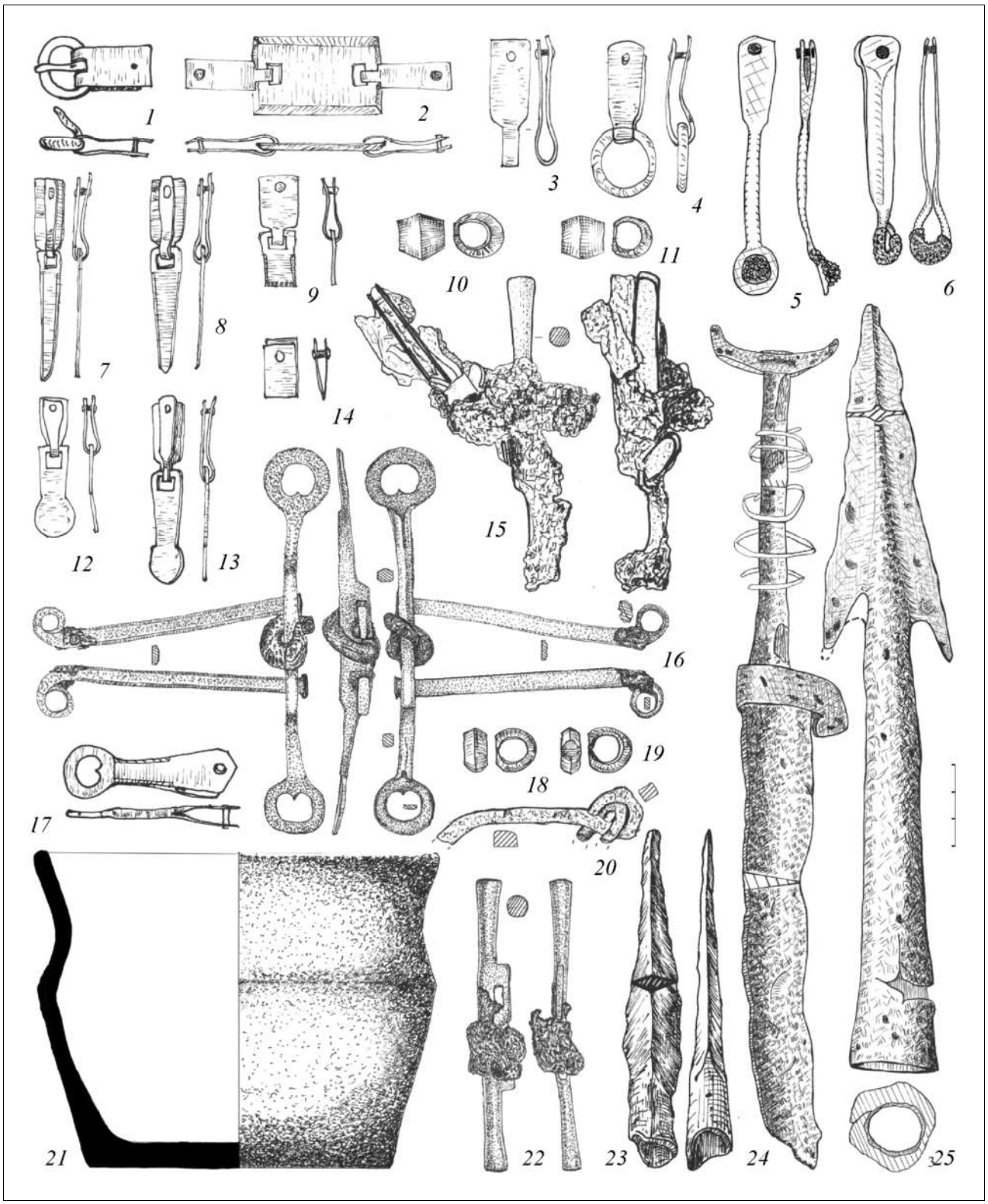

Рис. 2. Таутово, разрушенное погребение и сборы (по Мясников 2012)**.**

Fig. 2. Tautovo, destroyed burial and collections (after Myasnikov 2012)**.**

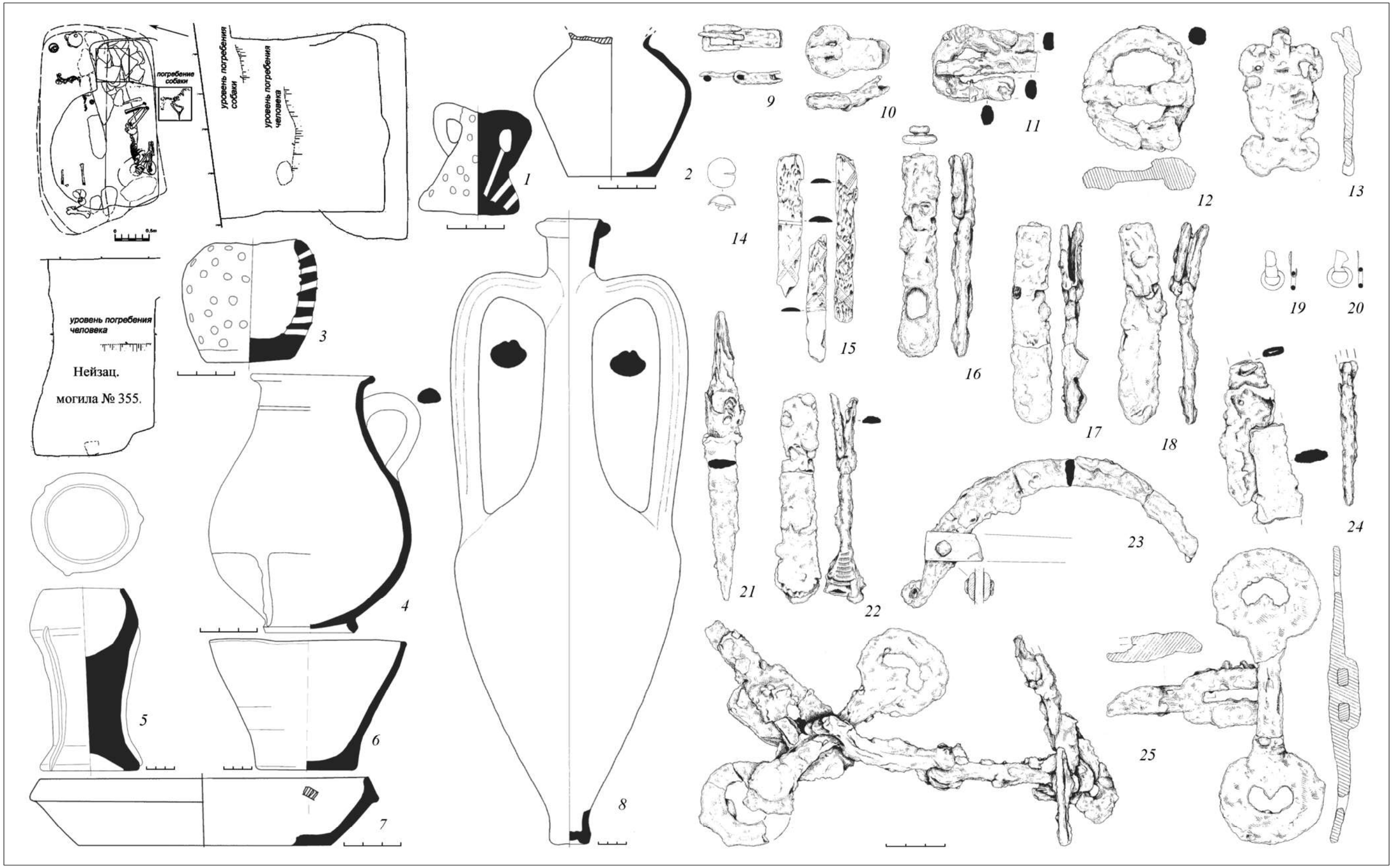

Рис. 3. Нейзац, могила 355 (по Храпунов 2015: рис. 1—4)**.**

Fig. 3. Neizats, grave 355 (after Khrapunov 2015: Fig. 1—4)**.**

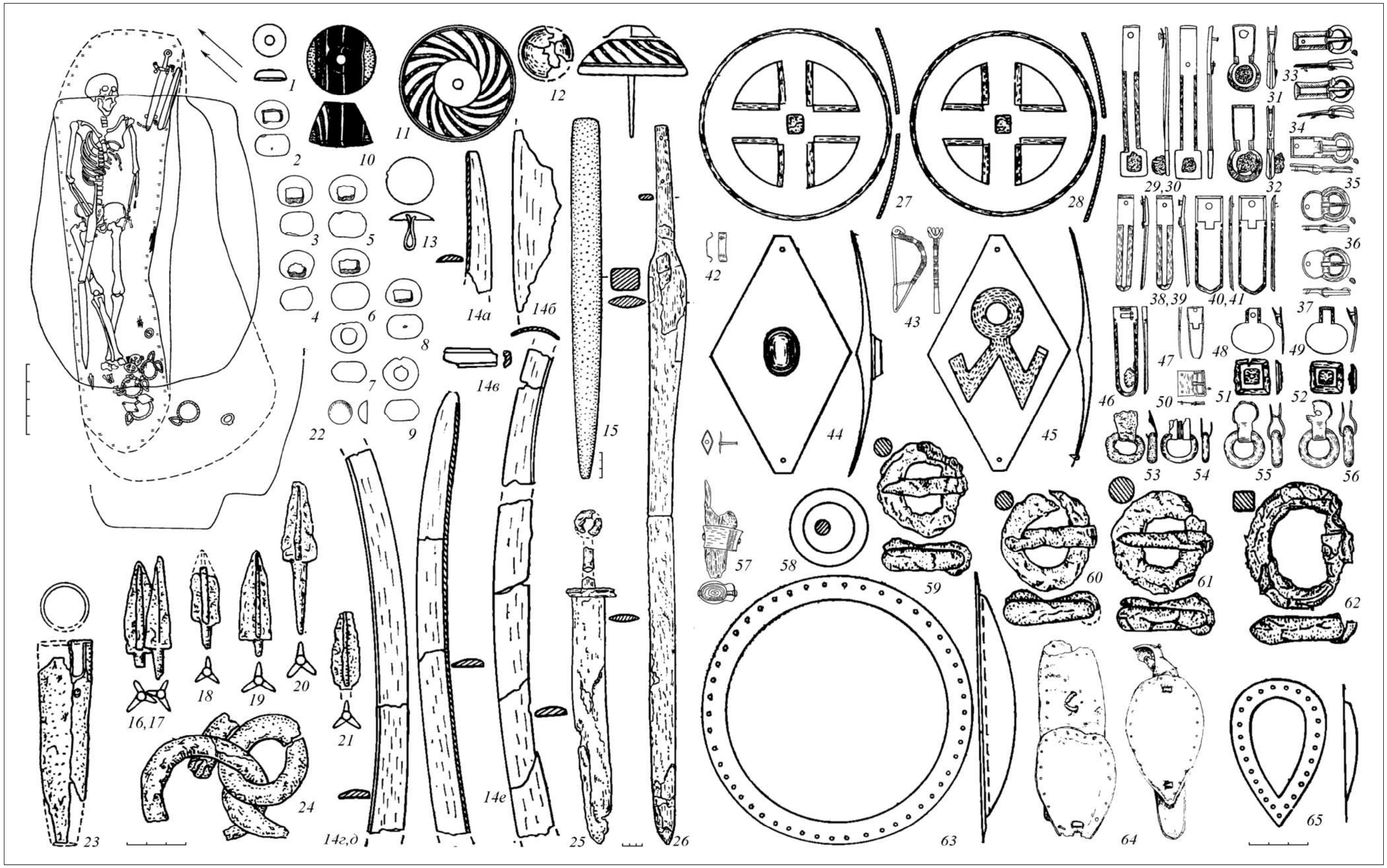

Рис. 4. Центральный VI, курган 16 / погребение 8 (поБезуглов 1988).

Fig. 4. Central'niy VI, barrow 16/grave 8 (after Bezuglov 1988).

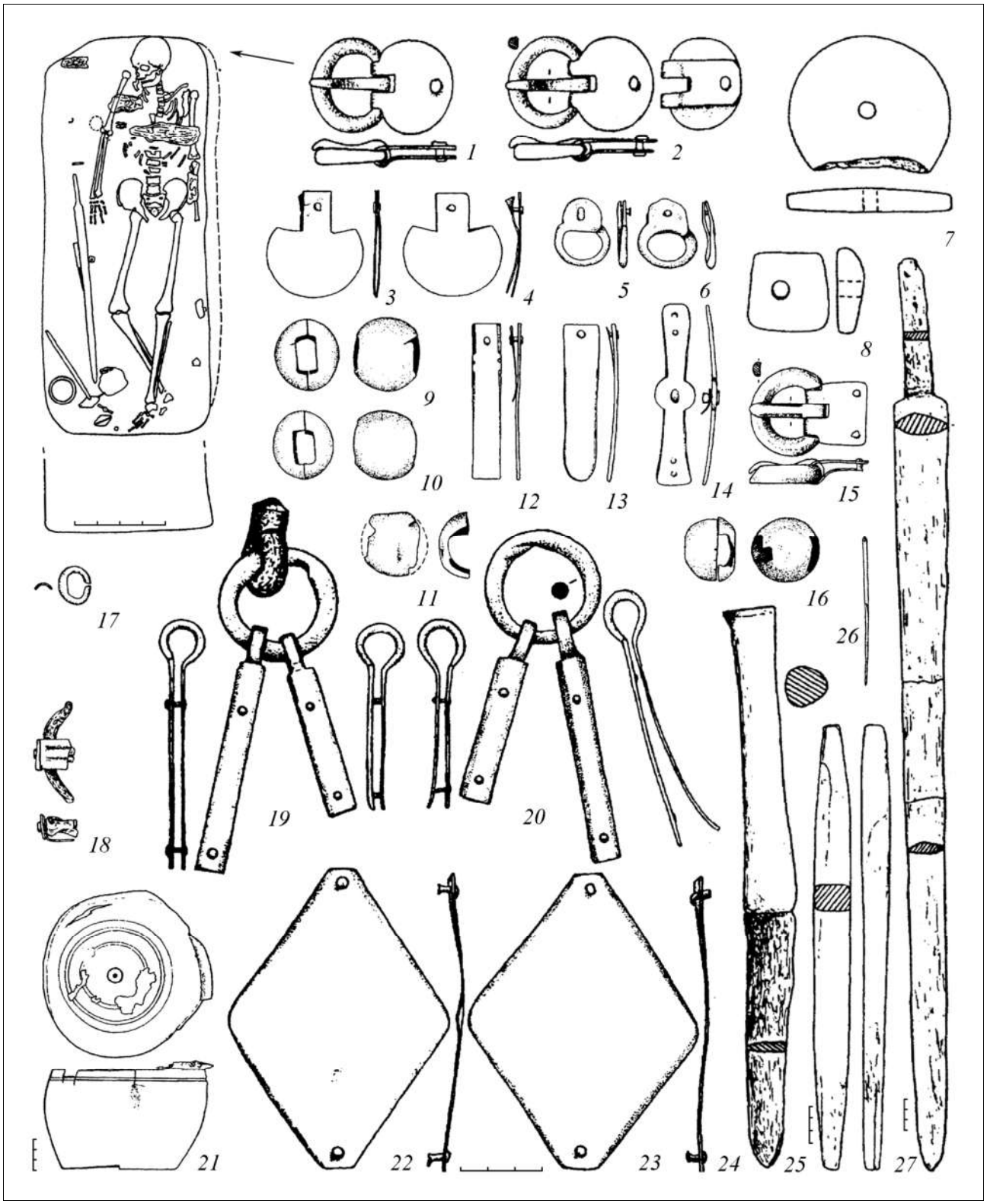

Рис. 5. Высочино VII, курган 12 / погребение 1 (по Безуглов 1997)**.**

Fig. 5. Vysochino VII, barrow 12/grave 1 (after Bezuglov 1997).

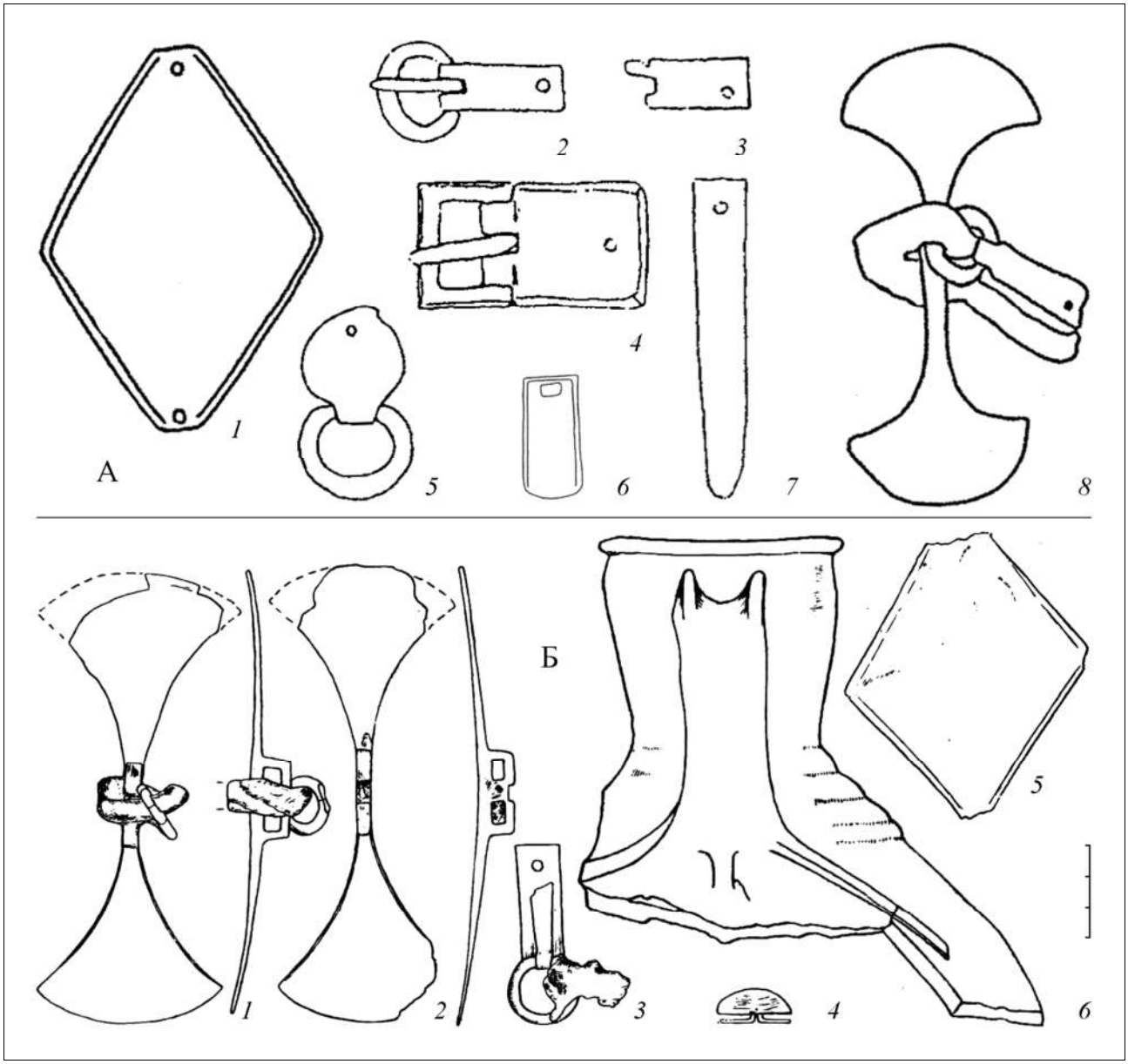

Рис. 6. *А* — Старица, курган 60 / погребение 1 (по Кривошеев 2005: рис. 2: Б) (масштаб в публикации недостоверен; здесь вещи даны пропорционально остальным). *Б* — Хапры (по Безуглов 1989)**.**

Fig. 6. *A* — Staritsa, barrow 60 / grave 1 (Krivosheev 2005: Fig. 2: B) (the scale in the publication is unreliable; here things are given in proportion to the rest). *B* — Khapry (Bezuglov 1989).

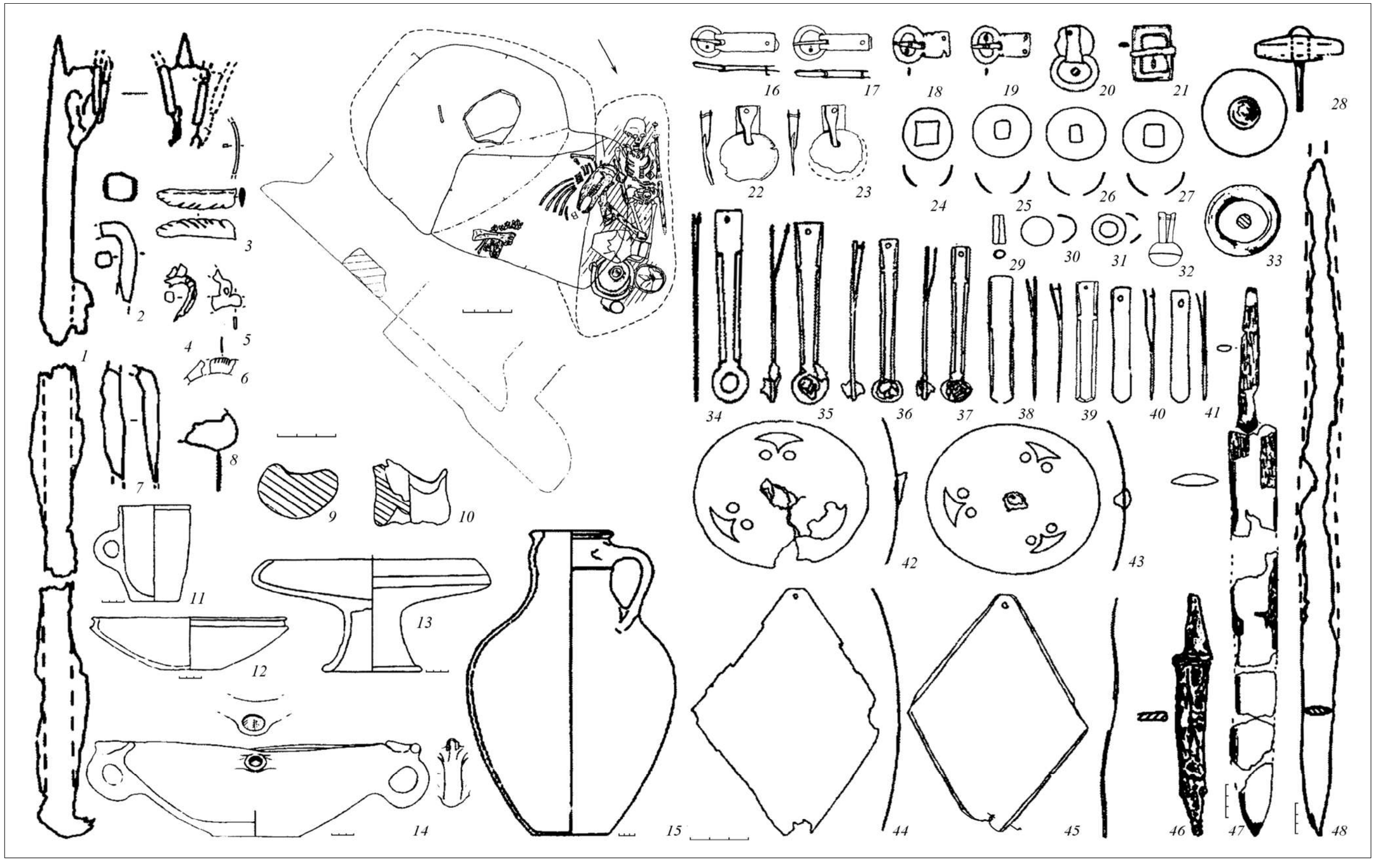

Рис. 7. Кобяковский, погребение 73/2000 (по Ларенок 2013: табл. 50—52)**.**

Fig. 7. Kobyakovsky, grave 73/2000 (after Larenok 2013: tab. 50—52)**.**

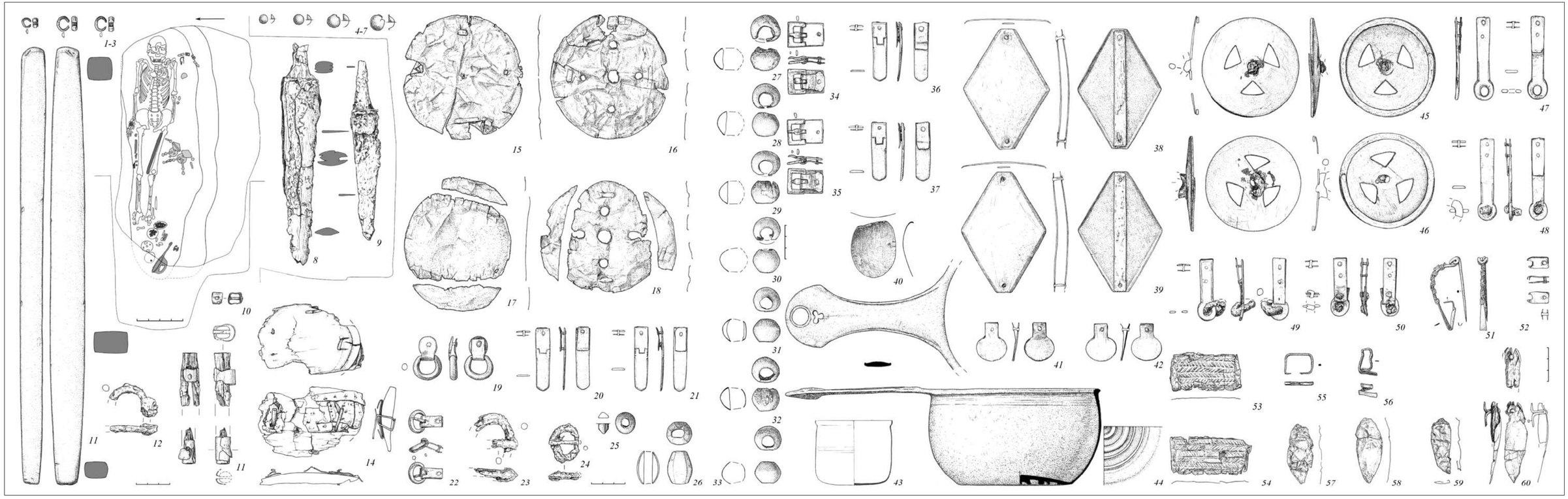

Рис. 8. Большевик II, курган 3/ погребение 1 (по Безуглов, Нидзельницкая 2020).

Fig. 8. Bolshevik II, barrow 3/ grave 1 (after Bezuglov, Nidzelnitskaya 2020).

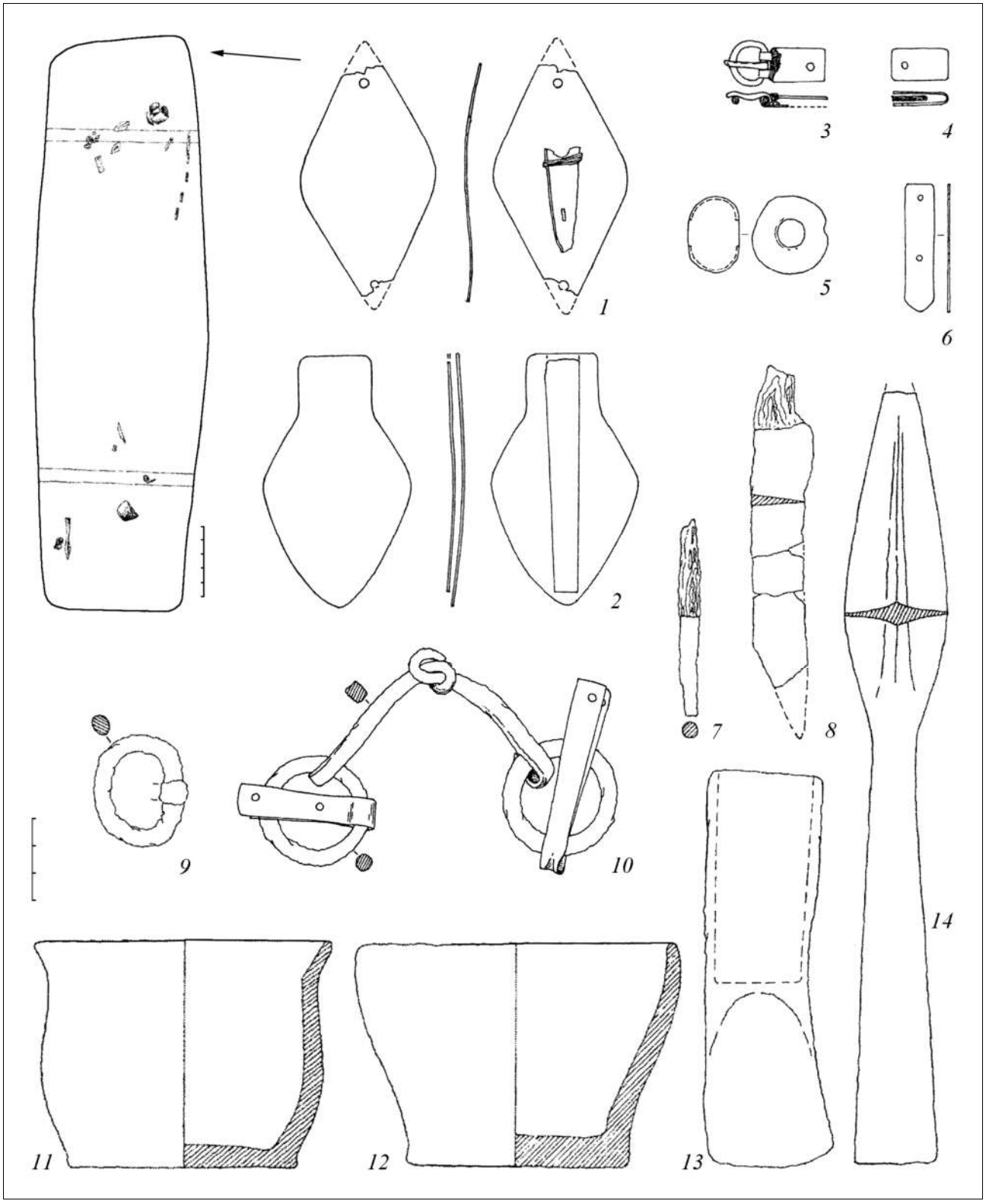

Рис. 9. Усть-Уза, погребение 42 (по Гришаков и др. 2016: рис. 24: 6—8, 25, 26)**.**

Fig. 9. Ust'-Uza, grave 42 (after Grishakov et al. 2016: Fig. 24: 6—8, 25, 26)**.**

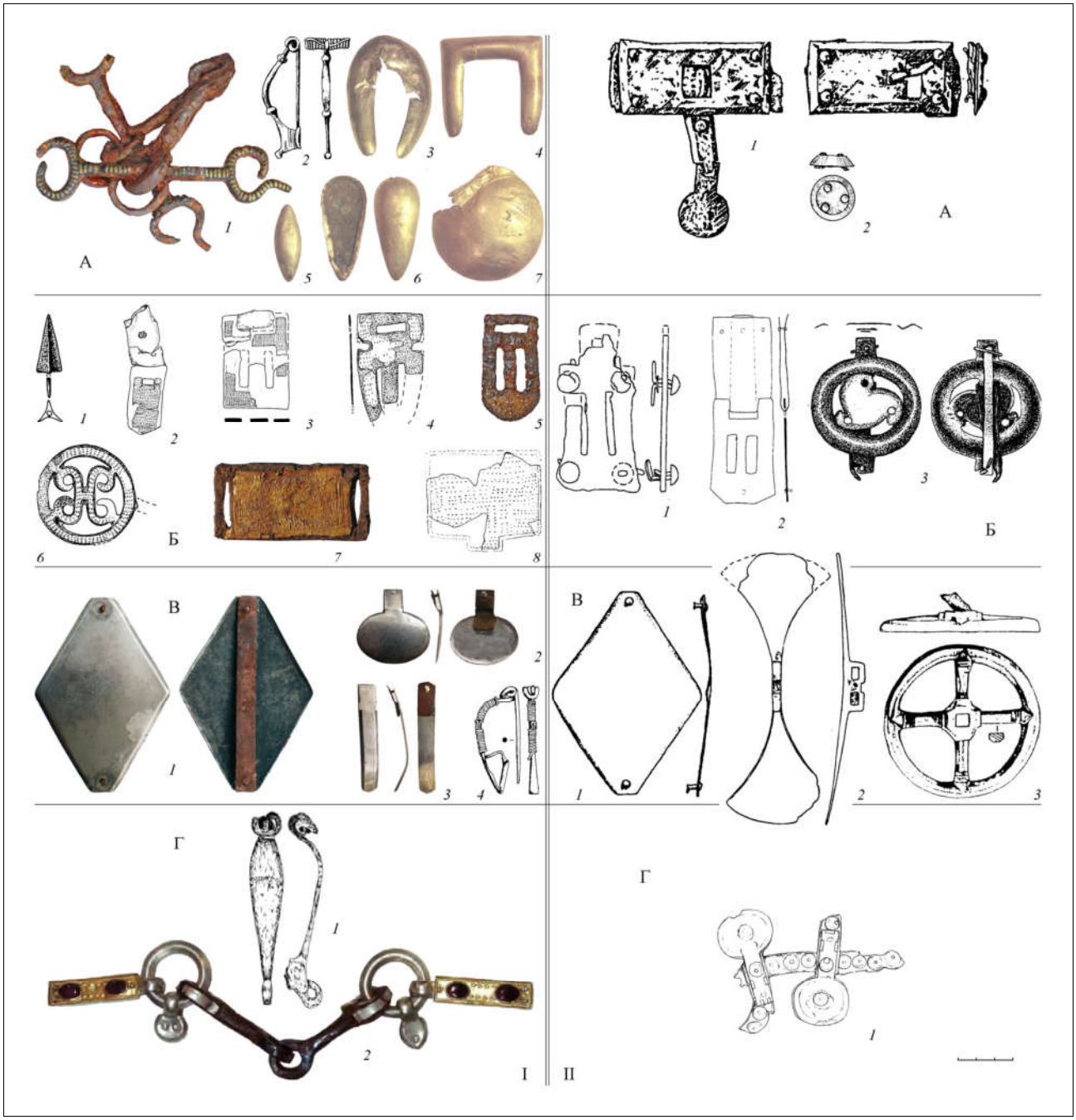
А
Б
В
Г
I
II

Рис. 10. Хронологические (I) и территориальные (II) группы. I. *А* — «с гладкой плакировкой»: *1* — Царский, погребение 64 (по Гугуев, Нечипорук 2023: рис. 12: 8); *2* — Городской, погребение 22 (по Сазонов и др. 1995: рис. 7: 11); *3—7* —Тайухабль, 1978 (по Мордвинцева, Хачатурова 2007: рис. 5: 1, 3—6). *Б* — «плакировка с точечной расчеканкой»: *1, 4, 6* — Кировский I, курган 1 / погребение 2 (по Ильюков 2000: рис. 6: 4, 8, 8: 8); *2, 3* — Валовый I, курган 25 / погребение 1 (по Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 32: 1, 10); *5* — Кобяковский, курген 5 (по Гугуев, Нечипорук 2023: рис. 12: 3); *7* — Кобяковский, курган 10 (по Гугуев, Нечипорук 2023: рис. 12: 4); *8* — Северо-Восточный, курган 19 (по Ильюков 2002: рис. 5: 1). В — фасетированные изделия: 1 — Большевик II, курган 3 / погребение 1 (Безуглов, Нидзельницкая 2020: рис. 13: 2); 2,3 — Танаис, погребение 186 (по Безуглов, Ильяшенко 2018); 4 — Валовый I, курган 25 / погребение 1 (по Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 28: 6). *Г* — «полихромные изделия («Закшув—Кишпек»): 1, 2 — Гремячий III, курган 1 (по Демиденко 2016: рис. 4: 3, 7: 1)**. II.** *А* — «южноуральская группа»: 1 — Лебедевка VI, курган 3 (по Мошкова 2001: рис. 2: 2); *2* — Лебедевка VI, курган 1 (по Мошкова 2001: рис. 1: 8). *Б* — «общая группа»: *1* — Красноуральский, курган 10 (по Бытковский 2010: рис. 4: 2); *2* —Нейзац, склеп 17 (по Храпунов, Мульд 2004: рис. 3: 6); *3* — Солодовка I, курган 6 / погребение 1 (по Глухов 2005: рис. 4: 1). *В* — «нижнедонская группа»: *1* — Высочино VII, курган 12 / погребение 1 (по Безуглов 1997: рис. 1: 4); *2* — Хапры (по Безуглов 1989: рис. 1: 1); *3* — Валовый I, курган 25 / погребение 1 (по Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: рис. 32: 1). *Г* — «прикамская группа»: *1* — Тарасово, погребение .765 (по Красноперов 2011: рис. 4: 50).

Fig. 10. Chronological (I) and territorial (II) groups. I. *A* — “with smooth plating”: *1* — Tsarskiy, grave 64 (after Guguev, Nechiporuk 2023: Fig. 12: 8); *2* — Gorodskoy, grave 22 (ater Sazonov et al. 1995: Fig. 7: 11); *3—7* — Taihuabl’ 1978 (after Mordvintseva, Khachaturova 2007: Fig. 5: 1, 3—6). *Б* — “plating with spot chasing”: *1, 4, 6* — Kirovskiy I, barrow 1 / grave 2 (after Ilyukov 2000: Fig. 6: 4, 8, 8: 8); *2, 3* — Valovyi I, barrow 25 / grave 1 (after Bezuglov, Glebov, Parusimov 2009: Fig. 32: 1, 10); *5* — Kobyakovskiy, barrow 5 (after Guguev, Nechiporuk 2023: Fig. 12: 3); *7* — Kobyakovskiy, barrow 10 (after Guguev, Nechiporuk 2023: Fig. 12: 4); *8* — Sewero-Vostochniy, barrow 19 (after Ilyukov 2002: Fig. 5: 1). *B* — faceted products: *1* — Bolshevik II, barrow 3 / grave 1 (after Bezuglov, Nidzelnitskaya 2020: Fig. 13: 2); *2, 3* — Tanais, grave 186 (after Bezuglov, Ilyashenko 2018); *4* — Valoviy I, barrow 25 / grave 1 (after Bezuglov, Glebov, Parusimov 2009: Fig. 28: 6). *Г* — “polychrome products (“Zakshuv-Kishpek”): *1, 2* — Gremyachiy III, barrow 1 (after Demidenko 2016: Fig. 4: 3, 7: 1)**. II.** *A* — “South Ural group”: *1* — Lebedevka VI, barrow 3 (after Moshkova 2001: Fig. 2: 2); *2* — Lebedevka VI, barrow 1 (after Moshkova 2001: Fig. 1: 8). *Б* — “general group”: *1* — Krasnouralskiy, barrow 10 (after Bytkovsky 2010: Fig. 4: 2); *2* — Neyzats, crypt 17 (after Khrapunov, Muld 2004: Fig. 3: 6); *3* — Solodovka I, barrow 6 / grave 1 (after Glukhov 2005: Fig. 4: 1). *B* — “Lower Don group”: 1 — Vysochino VII, barrow 12 / grave 1 (after Bezuglov 1997: Fig. 1: 4); *2* — Khapry (after Bezuglov 1989: Fig. 1: 1); *3* — Valovyi I, barrow 25 / grave 1 (after Bezuglov, Glebov, Parusimov 2009: Fig. 32: 1). *Г* — “Kama group”: *1* — Tarasovo, grave 765 (after Krasnoperov 2011: Fig. 4: 50).